

ОНА ОПЯТЬ ВРЁТ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Она опять врёт

<https://litres.ru/74522583>

SelfPub; 2026

Аннотация

Месяц назад тринадцатилетняя Кира подделала переписку и обвинила одноклассника в вымогательстве. Её мать Татьяна поверила дочери, подняла скандал, а потом отправила извинение в родительский чат.

Теперь после родительского собрания убита женщина, которая настояла на публичном извинении Татьяны. Кира утверждает, что видела её у стадиона вместе с классной руководительницей. Но учительница говорит: девочка опять врёт.

Татьяна уже знает, на что способна дочь. Но знает и другое: взрослые тоже умеют лгать. Пока полиция восстанавливает вечер убийства, за школьными разговорами проступают чужие долги, семейные обиды и страхи. А Кира признаётся матери, зачем на самом деле вернулась к школе.

Чтобы защитить дочь, Татьяне придётся услышать и ту правду, которой она сама боится.

Содержание

Глава 1. Чужой стул	4
Глава 2. Пока ты спала	17
Глава 3. Три тысячи	31
Глава 4. Голос в коридоре	42
Глава 5. У задних ворот	54
Глава 6. Рабочая температура	65
Глава 7. Кто платил	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

А.М. Сунгурский

Она опять врёт

Глава 1. Чужой стул

Свободное место оказалось рядом с отцом мальчика, которого оклеветала её дочь.

Татьяна уже взялась за спинку стула и теперь не могла отпустить её, не объяснив этим простым движением слишком многого. Дмитрий Савельев отодвинул колено. На парте перед ним лежал телефон экраном вниз. Он не поздоровался, но место освободил, и она села.

— Извините за опоздание.

— Мы ещё не начали, — сказала Любовь Андреевна.

На доске белели три слова: «Успеваемость. Поездка. Разное». Под последним остался плохо стёртый хвост от уравнения, которое здесь решали до них. Татьяна смотрела на этот хвост, пока растёгивала пальто. После прачечной лицо горело, зато ноги в мокрых ботинках замёрзли. Она очень хотела снять хотя бы один ботинок и подогнуть ногу под себя, как дома. Здесь это было невозможно.

На соседнем ряду Светлана Погодина обернулась к Веронике Лапиной и что-то сказала ей на ухо. Вероника не улыбнулась. Она вынимала из сумки листы, задевая кольца-

ми пластмассовую молнию.

Татьяна открыла тетрадку. В ней было записано, сколько она должна за школьные завтраки и какие таблетки купить маме. Ниже чужим широким почерком стояло: «Мама, не забудь подписать». Рядом Кира нарисовала лицо женщины с тремя подбородками. Татьяна прикрыла рисунок ладонью.

— Прошу сначала выслушать, — начала Любовь Андреевна. — Срок выставления оценок у нас двадцать третьего. У нескольких детей ситуация...

Она сняла очки, протёрла одну линзу уголком кофты и назвала четыре фамилии. Сомовой среди них не было. Татьяна успела обрадоваться этому и сразу разозлилась на себя. словно хорошие оценки могли сейчас что-нибудь поправить.

— Костя сдаст, — сообщила Погодина. — Мы знаем.

— Светлана, я ещё не договорила.

— Вы ему задание дайте одинаковое с остальными, он и сдаст.

Учительница перестала протирать очки.

— Задание у всех одинаковое.

— Значит, он меня обманывает. Я у него спрошу.

Погодина сказала это легко, без стыда за своего сына. Ей позволялось сказать «обманывает» и вернуться к тому, что она делала прежде, — снять с рукава невидимую волосинку. Татьяна не могла произнести это слово, не услышав февральский голос дочери: «Мам, ты что, ему веришь?»

В феврале она не верила никому, кроме Киры.

Телефон в кармане коротко дрогнул. Сообщение от дочери: «Ты долго?»

Татьяна напечатала под партой: «Начали только. Ужин в холодильнике».

В ответ пришёл сердитый рисунок кошки. Она убрала телефон.

Любовь Андреевна говорила об итоговой работе, потом о какой-то олимпиаде, где требовалось личное согласие родителей. У Светланы был вопрос и про олимпиаду. Дмитрий Савельев молчал. Вблизи Татьяна заметила на его руке старый белый шрам, пересекавший сустав. В прачечную приходили такие же руки за потерянными в рабочих куртках пропусками, ключами и мелочью. Она хорошо умела разговаривать с сердитыми мужчинами у окна приёма. Здесь у неё почему-то прилипал язык.

— Теперь поездка, — сказала учительница с заметным облегчением.

Вероника встала. Листы в её руках были распечатаны с двух сторон, и сумма просвечивала через бумагу.

— Так. Автобус я предварительно держу. Музей даёт нам время только на одиннадцать, поэтому выезжать придётся в восемь. Нас пока двадцать один ребёнок и трое взрослых.

— Почему трое? — спросила женщина у двери.

— Потому что я одна двадцать одного по незнакомому городу не соберу. Любовь Андреевна, я правильно говорю?

— Правильно. Сопровождение необходимо.

— И сколько теперь? — спросила Татьяна.

Вероника нашла её глазами.

— Две восемьсот. Мы писали.

— Я видела. Это окончательно?

— Если все сдадут вовремя.

Татьяна записала «2800», хотя цифра уже была у неё в телефоне. Савельев перевернул свой аппарат, что-то прочёл и снова положил экраном вниз.

— А прежние деньги где? — спросила Светлана.

В классе стало слышно, как в коридоре волокут ведро.

— Какие прежние? — Вероника не села.

— За февральскую экскурсию. Которая не состоялась. Вы сказали, их перенесут.

— Так они и перенесены. Там в расчёте...

— Здесь нет этого расчёта.

— Я тебе отдельно показывала.

— Ты мне фотографию столбика прислала. Я попросила нормальный чек.

Татьяна ещё раз взглянула на свои две восемьсот. В феврале она сдавала тысячу четыреста. Кира заболела за два дня до поездки, потом выяснилось, что не едут вообще: сломался автобус или не собрали группу, в переписке говорили разное. Деньги решили оставить до весны. Татьяна согласилась: вернись эта сумма на карту, она быстро ушла бы на продукты.

— Тысяча четыреста учтена? — спросила она.

— Учтена, Таня.

— То есть доплатить ещё две восемьсот?

— Нет. Всего. Я же пишу: всего.

Светлана вытянула руку к листу.

— Дай сюда. Покажем людям.

— Сядь, пожалуйста.

— Я и так сижу.

Кто-то сзади тихо засмеялся. Вероника покраснела. Она стояла у самого учительского стола, и снизу, из-за парты, казалась Татьяне девочкой, вызванной решать задачу, которую та не поняла.

— Сбор был добровольный, — вмешалась Любовь Андреевна. — Школа эти средства не принимала. Вероника занимается этим по вашей же просьбе.

— Это мы уже слышали, — сказала Погодина. — Когда с нас собирают, то «наш класс». А когда спросишь, то школа ни при чём.

— Светлана, не нужно разговаривать в таком тоне.

— А в каком нужно, чтобы мне ответили?

Савельев вынул телефон, набрал короткое сообщение и поднялся.

— Мне надо на десять минут. Никита без меня никуда не поедет, пока по деньгам не разберёмся. Решите — напишите.

— Дмитрий, мы сейчас...

— Я понял. Напишите.

Чтобы выйти, ему пришлось дожидаться, пока Татьяна

встанет. Он не посмотрел на неё. Она поставила ноги вместе, прижала сумку к животу и пропустила его. У него с рукава пахло морозным воздухом и чем-то резиновым.

Светлана проводила его взглядом до двери.

— Очень удобно. У одних всегда дела, а другие здесь остаются.

— Человек отпросился с работы, — ответила женщина с первой парты.

— Мы все отпросились.

Татьяна отпросилась на сорок минут. Приём белья за неё закрывала Дина, и завтра Татьяне предстояло прийти раньше и стоять у выдачи, пока та сводит накладные. Она вдруг почувствовала такую усталость от этих сорока минут, которые уже потратила, что подняла руку.

Любовь Андреевна удивлённо посмотрела на неё.

— Можно мне только точно сказать, сколько доплачивать? Я вечером переведу. Кира хочет поехать.

— А ты не торопись переводить, — посоветовала Светлана. — Сначала пусть старые покажут.

— Мне с ребёнком надо понимать.

— Всем надо понимать. Я поэтому и спрашиваю.

Светлана повернулась к Веронике, словно они с Татьяной только что выступили вместе. От этого было неловко ещё сильнее. В феврале именно Светлана настояла, чтобы извинение не осталось «между двумя семьями». Татьяна записала голосовое в общий чат, а через день его переслали соседке

из восьмого дома. Соседка принесла ей на работу пальто и спросила, что там у них за деньги вымогают в школе.

— Давайте сделаем так, — сказала Любовь Андреевна. — До среды новых переводов не будет. Вероника выложит всё, что есть. Согласны?

— Я не бухгалтер, — ответила Вероника.

— Так никто и не требует баланса, — сказала Погодина. — Деньги покажи.

В телефон Светланы позвонили. Она посмотрела на экран, нажала боковую кнопку и убрала аппарат в сумку.

— Извините. Продолжайте.

Вероника наконец села. Листы она так никому и не дала. Татьяна зачеркнула записанную сумму, но не до конца: оставила цифры читаемыми.

На «разном» заговорили о видео, которые дети пересылали друг другу. Любовь Андреевна заранее попросила не называть фамилий, и потому каждый ждал, чью фамилию назовут первой.

— Телефоны мы убрать на весь день не можем, — говорила она. — Это вопрос ваших договорённостей дома. Но снимать другого без спроса, выкладывать, подписывать... Я уже не знаю, как объяснять.

— Так объясните один раз тому, кто делает, — сказала женщина у двери.

— Объясняем. И родителям объясняем.

Татьяна смотрела на рисунок Киры. Вчера они вместе сме-

ялись над этими тремя подбородками, а теперь нарисованная женщина напоминала её саму. Она осторожно провела ногтем по бумаге, будто могла стереть лишнюю линию.

— Удалять надо, — сказала Погодина. — Удалили бы сразу — не было бы половины историй.

— Со всех телефонов не удалишь, — ответила мать у окна.

— Ну да, теперь мы вообще ничего не можем.

Татьяна подняла голову.

— Моё сообщение вы тоже пересылали.

Светлана повернулась не сразу.

— Какое сообщение?

— Которое в феврале. Где я извинялась.

— Я его не записывала. Вы сами отправили.

В классе никто не шевельнулся. Татьяна поняла, что сейчас происходит именно то, чего она боялась всю дорогу от прачечной: опять будут говорить о Кире, и ей снова придётся сидеть посреди этого.

— Я отправила родителям нашего класса.

— А я переслала маме Никиты. Её в том чате не было, там Дмитрий. Она имела право знать.

— Откуда тогда знают у нас на работе?

— Откуда мне известно, кто у вас на работе что знает?

Любовь Андреевна сказала:

— Этот вопрос мы закрыли.

Татьяна защёлкнула ручку. Она вовсе не собиралась спо-

ритель. Хотела узнать про деньги, отметить сроки, забрать домовой бланк согласия. Пальто лежало у неё на коленях, мокрый низ промочил брюки. Ужин в холодильнике был вчерашний, Кира наверняка уже ковыряла его вилкой и злилась, что мать опять задержалась.

— Да, — сказала Татьяна. — Закрыли.

Погодина что-то хотела добавить, но передумала. На её телефоне снова засветился экран.

Собрание распалось сразу после того, как раздали бланки. Кто-то стал спрашивать про двойку за самостоятельную. Вероника вышла, прижимая свою папку к груди. В коридоре свет был ярче, чем в классе, и все на минуту зажмурились. Пахло мокрой одеждой, тряпкой и разогретой проводкой старого светильника.

Татьяна застёгивала пальто у подоконника. Рядом Светлана безрезультатно искала что-то в сумке, потом повернула сумку боком и высыпала мелочь в ладонь.

— Сдачу сунула, теперь не найти, — пробормотала она.

Среди монет лежала маленькая серыга. Светлана приподняла волосы и надела её, глядя в чёрное оконное стекло.

— Таня.

Татьяна не откликнулась.

— Подожди. Я Инне действительно отправляла. Она спрашивала, чем у вас закончилось. Но на работу тебе я не звонила и никому там ничего не рассказывала.

— Ладно.

— Не «ладно». Просто чтобы ты знала.

Татьяна повернулась. В стекле за головой Погодиной горела белая лампа. Лицо без дневного света было усталым, под глазами виднелись мелкие складки тонального крема.

— Ты же только что сказала, что только маме Никиты.

— Я не сказала «только».

Из класса выглянула Любовь Андреевна.

— Светлана, вы хотели поговорить. У меня немного времени.

— Иду.

Погодина застегнула сумку. На секунду положила ладонь Татьяне на рукав, словно они были близко знакомы и Татьяна собиралась уйти, не дослушав важного.

— Твоей бы поменьше в телефоне сидеть. Она ведь с головой девчонка.

Светлана посмотрела на Татьянины пальцы, задержала взгляд на красной трещине возле ногтя.

Татьяна сняла её руку с рукава.

— Я разберусь.

До магазина она дошла быстро, а там застряла у кассы: у пожилого мужчины не проходила карта. Он выложил на ленту паспорт, будто это могло помочь, и начал искать другой кошелёк. Кассирша ждала, уткнув подбородок в шарф.

Татьяна достала телефон. Время было девятнадцать двадцать две. Сообщение Киры: «Я дома, чего ты молчишь».

«Хлеб беру. Сейчас».

Кира ответила: «И сырки».

Татьяна оглянулась на холодильник у дальней стены. Выйти из очереди не хотелось. Она помедлила ещё немного, потом оставила корзинку перед женщиной, стоявшей следом.

— Я сейчас. Не занимайте, пожалуйста.

Сырки лежали на нижней полке, два по акции. Татьяна взяла три: один себе. Когда она вернулась, мужчина уже ушёл, а паспорт всё ещё лежал у кассы. Она крикнула ему вслед, но он не услышал. Пришлось догонять.

По дороге домой позвонил Олег. Она ответила, зажав телефон плечом и перекладывая пакет.

— Что у вас там? — спросил он.

— Собрание. Что у нас ещё.

— Кира написала, что там, наверное, опять её обсуждают.

— Её на собрании не было.

— Я понимаю. Мне-то чего говорить?

— Ничего. Сырки я купила, хлеб тоже, можешь сообщить.

Он замолчал.

— Таня, я нормально спросил.

Она остановилась перед лужей. На другой стороне дороги, возле пятиэтажки, мужчина тащил за руку маленького ребёнка, который упирался и пытался шагать только по снегу. Отсюда слов было не разобрать.

— Про деньги говорили. Про оценки. Всё как всегда. Я устала, Олег.

— В воскресенье заберу её.

— Скажи ей сам. И заberi тогда.

Она убрала телефон, не дожидаясь ответа.

Дверь Кира открыла не сразу. Когда наконец отперла, на ней были домашние штаны и длинная майка. Волосы убраны в неровный хвост. В квартире пахло горячими макаронами.

— Почему не отвечала? — спросила Татьяна.

— В ванной была.

Татьяна прошла в кухню. Кира шла за ней и заглядывала в пакет.

— Мне два?

— Тебе один сегодня. Второй завтра.

— А третий?

— Представляешь, я тоже ем.

Кира улыбнулась. От этого маленького, ничем не заслуженного сейчас движения Татьяне захотелось сесть и закрыть глаза. Вместо этого она поставила чайник.

На левом носке дочери темнело мокрое пятно.

— Ты в чём по ванной ходишь? Опять всё залила?

— Там полотенце упало.

— Подними и повесь. Не на батарею в комнате, пожалуйста. Нормально повесь.

Они поужинали. Кира спросила, будет ли поездка; Татьяна сказала, что пока непонятно. Потом дочь ушла делать географию, а мать стала оттирать с плиты засохший соус. Сырок она съела стоя. Он оказался слишком сладким и холодным, но другого на сегодняшний вечер она уже не придумала.

В двадцать две минуты девятого позвонила Инна Дёмина.

— Ты дома? — спросила она.

— Дома.

— Яся твоя с Кирой не созванивалась? То есть Кира с Ясей?

— Не знаю. А что?

Инна дышала прямо в трубку. Татьяна услышала чей-то мужской голос, потом звук закрываемой двери.

— Там у стадиона полиция. Светку нашли.

Татьяна перестала тереть плитку.

— Какую Светку?

— Погодину. Костину мать.

— Что значит нашли?

В кухню вошла Кира. В руке у неё был учебник, большой палец лежал между страницами. Она остановилась у холодильника.

— Инна, — сказала Татьяна. — Что с ней?

Ответ прозвучал коротко и очень громко, хотя Татьяна не включала динамик.

Кира медленно закрыла учебник.

Глава 2. Пока ты спала

Татьяна положила телефон на стол и только тогда поняла, что всё ещё держит в другой руке губку. Вода стекала по запястью под манжету.

— Мам?

— Иди в комнату.

— Это про Костину маму?

— Кира, пожалуйста.

Дочь не ушла. Она прижала учебник к животу и смотрела на телефон так, будто он должен был сам договорить всё, чего не объяснила Татьяна.

Та открыла кран. Губка упала в раковину, шлёпнулась в грязную воду. Хотелось закончить плитку: вот она, плитка, вот две конфорки, одна отмыта, вторую надо протереть и убрать тряпку. Вместо этого Татьяна вымыла руки и стала вытирать их полотенцем, уже мокрым с обоих концов.

— Её нашли у стадиона, — сказала она. — Я сама ещё ничего не знаю.

— Она умерла?

Сказать это оказалось трудно. Час с небольшим назад Светлана застёгивала серьгу возле школьного окна. Не прощалась с жизнью, не произносила ничего последнего; уверенно давала непрошенный совет. Татьяна злилась на неё. Эта злость никуда не делась, и теперь от неё стало страшно.

— Инна говорит, да.

Кира поставила учебник на край стола. Он соскользнул, ударился корешком о пол. Ни одна из них не подняла его сразу.

В общем чате появились три сообщения подряд.

«Это правда?»

«Кто возле школы, напишите».

«Детей не выпускайте».

Последнее отправила Вероника. Сразу следом женщина из соседнего подъезда прислала фотографию полицейской машины. Фары засвечивали половину снимка; над ними виднелась сетка стадиона и столб, оклеенный объявлениями. Татьяна увеличила изображение двумя пальцами, хотя сама не могла бы сказать, что надеялась там разглядеть.

— Убери, — попросила Кира.

— Иди ко мне.

Она обняла дочь одной рукой. Кира стояла неудобно, боком, и не обняла в ответ. От волос пахло шампунем, хотя мыть голову она собиралась завтра.

— Не читай сейчас ничего, хорошо?

— Я не читаю.

Телефон Киры дрогнул у неё в кармане. Она не достала его.

В дверь позвонили.

Татьяна отпустила дочь и пошла открывать. За дверью была соседка из квартиры напротив, в стёганом халате поверх

спортивных брюк.

— Таня, у вас дети в семнадцатой? Что там случилось?

— Не знаю, Валентина Егоровна.

— Говорят, на женщину напали. Прямо возле школы. Ты Кирку не пускай одну. Я внучке уже позвонила.

— Спасибо. Мы дома.

— Муж вроде нашёл. Что они там ночью делали?

— Не знаю.

Татьяна закрыла дверь прежде, чем соседка успела спросить ещё что-нибудь, и осталась стоять в коридоре. Из кухни доносился шорох пакета: Кира вынимала второй сырок. Татьяна чуть не сказала, что второй — на завтра. Поймала эту фразу уже на губах.

Она вернулась, подняла учебник, стряхнула с него невидимую пыль.

— Позвони папе, если хочешь.

— Не хочу.

— Тогда я позвоню.

Олег ответил не сразу. На заднем плане гудел телевизор.

— Я уже видел, — сказал он. — В городском написали.

— Где написали?

— В группе. Таня, закрой дверь. Я сейчас приеду.

— Зачем?

Он помолчал, словно она задала неправильный вопрос.

— Как зачем? Ты с ребёнком одна.

— Мы в квартире. Дверь закрыта.

— Ну я могу приехать?

Татьяна посмотрела на Киру. Та откусывала сырок маленькими кусками, осторожно придерживая шоколадную оболочку большим пальцем. На стол падали крошки.

— Можешь, — сказала Татьяна.

Пока они его ждали, квартира успела стать другой. Откуда-то появились мешавшие звуки: вода в стояке, щелчки выключенного чайника, голоса на лестнице. Татьяна включила верхний свет в коридоре. Кира перенесла географию на кухонный стол, но не открывала.

В списке участников чата у Светланы всё ещё стояла фотография с Костей: они в каких-то огромных бумажных очках, смеются. Под именем не было ничего, что отличало бы её от остальных. Можно было нажать, написать, позвонить.

Татьяна набрала: «Вы знаете, что случилось?» — и стёрла. Она не могла задать этот вопрос человеку, о котором его задавали все другие.

Олег приехал в девять. Кира бросилась открывать, потом остановилась посреди коридора, когда он вошёл, будто вспомнила, что уже слишком взрослая, чтобы бежать к отцу. Он сам притянул её к себе, потрепал по затылку.

— Ну чего? Испугалась?

— Нет.

— Правильно.

Татьяна услышала и разозлилась: почему правильно? Но спорить при дочери не стала. Олег принёс мандарины и пакет

с ещё тёплыми булочками. Такие покупки он делал всегда, когда не понимал, что от него требуется.

На кухне он сел на стул у окна. Здесь они никогда не жили вместе, и всё же это место сразу оказалось его прежним.

— Что слышно? — спросил он.

— Муж нашёл, говорят.

— Погодин?

— Другого мужа я у неё не знаю.

— Они разошлись вроде.

— Значит, бывший.

Олег взял мандарин, продавил ногтем кожуру и передумал чистить. Положил его рядом с булочками.

— Я у него в фургоне холодильную установку смотрел. Летом. Нормальный мужик.

Татьяна вдруг вспомнила, как почти так же говорила о Никите: хороший мальчик, но мало ли что он может написать в телефоне. Потом — уже другими словами — рассуждала о собственной дочери. Она отодвинула пакет с булочками, чтобы не раздавить бланк согласия на экскурсию.

— Мы сегодня со Светланой спорили, — сказала она.

Олег посмотрел на Киру.

— Из-за чего?

— Из-за того сообщения. Я спросила, зачем она пересылала его людям.

Кира перестала сдирать обёртку с сырка.

— Ты зачем опять?

— Мы говорили про видео. Она сказала удалять. Я и спросила.

— Мам, ты же обещала.

— Что я обещала?

— Не начинать.

Олег поднял ладонь.

— Сейчас-то чего об этом. Девушка погибла, а вы...

— Какая девушка? — резко спросила Татьяна. — Олег, не надо.

Он убрал руку. На столе между ними лежал недочищенный мандарин с маленькой светлой ранкой.

Телефон зазвонил с незнакомого городского номера. Татьяна успела подумать о прачечной: вдруг забыли запереть заднюю дверь. Потом вспомнила, сколько сейчас времени.

Женщина на другом конце назвалась Тамарой Гусевой, сотрудницей уголовного розыска. Уточнила имя Татьяны, сказала, что номер дала классная руководительница.

— Вы сегодня присутствовали на собрании седьмого «Б»?

— Да.

— Когда ушли из школы?

Татьяна посмотрела на электронные часы над плитой. На них было девять тринадцать, и по этой цифре требовалось почему-то восстановить весь вечер.

— Чуть после семи. Минут десять, наверное. Точно не скажу.

— Погодину после собрания видели?

— В коридоре. У окна. Мы разговаривали.

Олег перестал смотреть в свой телефон.

— О чём? — спросила Гусева.

— О детях. О сообщении в чате.

— Каком сообщении?

Татьяна почувствовала, как Кира смотрит на неё.

— Там была неприятная история в феврале. С моей дочерью. Я сейчас должна всё это объяснять?

— Сейчас скажите, был ли у вас со Светланой конфликт сегодня.

— Мы поспорили. Потом она сказала, кому пересылала сообщение. Всё.

Гусева не стала ни успокаивать её, ни требовать признать ссору чем-то большим. Спросила, куда Погодина пошла потом.

— Учительница её позвала. Любовь Андреевна. Светлана ещё сказала «иду».

— Вы видели, как она зашла обратно в класс?

Татьяна открыла рот и закрыла.

Она видела Светлану возле окна. Видела учительницу в дверях. Потом смотрела на молнию своего пальто: нижний бегунок зажевал ткань. Сняла с рукава чужую руку. Что было дальше?

— Нет, — сказала она. — Не видела. Я пошла к лестнице.

— У школы с ней кого-нибудь видели?

— Я её у школы не видела.

Гусева спросила ещё про Савельева и Веронику: кто раньше ушёл, кто оставался, не разговаривали ли они у гардероба. Татьяна отвечала, а Олег всё ближе пододвигался к ней. Наконец она встала со стула и вышла в коридор, прикрыв кухонную дверь.

— Это убийство? — спросила она тихо.

— Обстоятельства устанавливаются. Завтра с вами свяжется следователь. Вы сможете приехать, если потребуется?

— У меня смена.

— Договоритесь на работе. Уточним время.

— А дети? Им в школу идти?

— По работе школы вам сообщит администрация. Если у вас есть ещё что-то, что может относиться к сегодняшнему вечеру, можете перезвонить по этому номеру. Записали мою фамилию?

— Гусева. Я запомнила.

Она вернулась в кухню. Кира сидела, натянув рукава на пальцы. Олег спросил:

— Чего им надо?

— Кто кого видел. Нас всех спрашивают.

— Про ссору сказала?

— Сказала.

Он качнул головой.

— Олег, её весь класс слышал.

— Я ничего не говорю.

Татьяна села. Руки зябли. Она пододвинула чашку, но чай

был уже холодный.

— Можно я папе кое-что покажу? — спросила Кира.

— Покажи.

— В комнате.

Татьяна не стала смотреть, что Олег молча ответил дочери. Он поднялся, и они ушли. Из комнаты через тонкую стену доносился голос Киры, слишком тихий для обычного разговора. Потом Олег сказал: «Подожди. Не спеши». Татьяна взяла мандарин и дочистила его, оставляя белые жилки на кожуре. Один ломтик был смят. Она положила его себе в рот.

Через несколько минут Олег вернулся один.

— Она кое-что видела.

Татьяна не сразу поняла.

— Где?

— У школы. Сегодня.

— Она была дома.

Он посмотрел на неё так, что ей стало стыдно за эту фразу раньше, чем стало страшно за всё остальное.

— Кира! — позвала она.

Дочь вышла и остановилась у порога.

— Иди сюда. Ты где была?

— Мам, я просто погуляла.

— Ты писала мне, что дома.

— Я потом была дома.

— Когда потом?

Олег вмешался:

— Таня, дай ей...

— Не надо, Олег. Кира, садись.

Дочь не села. Смотрела на мать с тем самым выражением, которое у неё было в феврале: губы сжаты, глаза блестят, подбородок выдвинут. Татьяна знала, как опасно сейчас вспомнить февраль. Уже вспомнила.

— Я видела Костину маму с Любовью Андреевной. Возле старой кассы. Они стояли и разговаривали.

Татьяна перевела взгляд на Олега. Он кивнул, как будто был при этом.

— После собрания? — спросила она.

— Наверное. Я не знаю, когда оно кончилось.

— Ты там зачем была?

— Мы с Ясей гуляли.

— Яся тоже видела?

Кира помотала головой.

— Она раньше ушла. Я потом одна шла.

— И куда они пошли? — спросил Олег.

— Я не знаю.

— Ну ты вспомни.

Татьяна подняла на него глаза.

— Она сказала, не знает.

Он откинулся на спинку стула. Кира наконец села на самый краешек, колени прижала друг к другу.

— Они ругались? — спросила Татьяна и тут же пожалела о вопросе.

— Я не слышала. Любовь Андреевна держала какую-то папку. Костина мама показывала в неё пальцем. А потом учительница её захлопнула.

— Папку?

— Ну да. Как с листьями. Такую светлую.

Татьяна вспомнила Веронику возле учительского стола, её листы, кольца, розовую молнию на сумке. Светлая папка могла быть у любого взрослого после собрания.

— Ты лица видела?

— Мам, я свою учительницу знаю.

— Я спрашиваю, видела ли ты лицо.

— Да. Она поворачивалась. Там над входом фонарь.

Не над входом в кассу: там давно ничего не работало. Вероятно, над калиткой стадиона. Татьяна хотела уточнить, но вместо этого взяла телефон.

— Я позвоню.

Кира вцепилась в край стола.

— Не надо сейчас.

— Когда?

— Завтра. Папа сказал, завтра можно.

— Я сказал, что ночью её никуда таскать не надо, — ответил Олег.

— Я не собираюсь её таскать.

Татьяна набрала номер. Пока шли гудки, Кира закрыла глаза.

Гусева ответила сразу. Выслушала, не перебивая. Татьяна

сказала: дочь могла видеть Погодину после собрания. Имя учительницы произнесла уже потом, и от этого оно прозвучало особенно отчётливо.

— Сама девочка вам сообщила? — спросила Гусева.

— Сначала отцу. Он сейчас здесь.

— Сколько дочери?

— Тринадцать.

— Я передам следователю. Пока не просите её рассказывать заново всем по очереди. Она дома, с вами?

— Да.

— Хорошо. Запишите, в какое время она это сказала. Завтра согласуем разговор. Телефоны и переписку сохраните, ничего не удаляйте.

Когда Татьяна положила трубку, Кира спросила:

— Ты им про Никиту тоже рассказала?

— Пока только сказала, что у нас была история в феврале.

— Зачем?

— Они спрашивали про наш разговор со Светланой.

Кира отвернулась. Олег положил ей ладонь на плечо, но она сбросила его руку.

— Я знала, — сказала она.

— Что ты знала?

— Ничего.

Татьяна очень хотела сейчас произнести что-нибудь правильное. Что она верит. Что всё будет хорошо. Что дочь не должна бояться рассказывать правду. Все три фразы были

готовы, но она не могла заставить себя выбрать хотя бы одну.

— Ты сказала, что видела, — ответила она наконец. — Я передала.

Кира ушла в комнату. Олег попросил постелить ему на полу, если они не возражают. Татьяна достала из шкафа старый ватный матрас хозяйки квартиры. Он с трудом разворачивался и пах пылью.

В половине одиннадцатого в родительском чате появилось сообщение Любови Андреевны. Она просила завтра привести детей к началу второго урока: с классом будет разговаривать школьный психолог. О точном расписании обещала написать утром. Все вопросы по происшествию попросила направлять администрации и полиции, не распространять слухов.

Татьяна перечитала сообщение дважды. Потом написала ей отдельно:

«Кира говорит, что после собрания видела вас со Светланой у кассы».

Ответ пришёл почти сразу.

«Татьяна, мы со Светланой не ходили к кассе. Я ушла домой. Пожалуйста, сейчас особенно важно не передавать непроверенное».

Татьяна поставила телефон на зарядку. Олег уже лежал на полу в коридоре и сопел, повернувшись к стене. Кира не спала: из-под её двери пробивался свет.

Татьяна хотела войти, но осталась по эту сторону. Дверь

была дешёвая, пустая внутри. Когда Кира была маленькой, мать проверяла её дыхание, подойдя почти вплотную к кровати. Теперь стояла в коридоре и слушала, как дочь переворачивает страницу, хотя географию они уже убрали в рюкзак.

Глава 3. Три тысячи

Утром Олег ушёл первым. Написал на обороте магазинного чека: «Буду на телефоне», положил сверху мандарин, чтобы записка не потерялась. Татьяна не понимала, куда она могла потеряться на пустом столе, но чек оставила.

Кира спала, закрыв ладонью рот. Возле подушки лежал лист с нарисованным окном. В нём не было людей, только четыре тёмных прямоугольника и открытая форточка. Татьяна нагнулась за одеялом, сползшим на пол, и увидела телефон под кроватью. Зарядки в нём не было. Она подняла его, положила на стол и воткнула провод.

— Не трогай, — сказала Кира, не открывая глаз.

— Зарядить поставила. Вставай понемногу.

На работу Татьяна позвонила в семь. Начальница, Эльза Романовна, уже была в цехе: за её голосом слышался ритмичный лязг подающего механизма.

— Я в новостях прочла, — сказала она. — Ты её знала?

— Мы в одном классе. Детей имею в виду. Меня вызывают, и Киру будут спрашивать.

— Когда?

— Ещё не сказали.

На том конце закрыли какую-то тяжёлую дверь. Стало тише.

— Таня, ты мне время скажи. Совсем тебя не ждать?

— Сегодня, наверное, совсем.

Эльза Романовна вздохнула.

— Хорошо. С Диной договорись, я её на твоё окно поставлю. И потом документ возьми, что тебя вызывали.

— Да.

— Кира-то как?

Татьяна взглянула в сторону комнаты.

— Спит.

— Пусть поспит.

Начальница отключилась, и совет оказался бесполезным: Кира уже стояла за спиной матери, закутанная в одеяло.

— Мне в школу надо?

— Пишут, ко второму уроку.

— Я не пойду.

Татьяна поставила на плиту маленькую сковороду.

— Давай сначала поедим.

— Ты можешь просто сказать: надо или не надо?

— Я могу сказать, что сейчас пожарю тебе яйцо. Остальное узнаем.

Дочь села на табуретку, подвернула под себя ногу. Одеяло волочилось по полу. Татьяна уже не стала поправлять.

Двенадцатого февраля Кира тоже сидела на этой табуретке. На ней были школьные брюки, мокрые ниже колен. Она вошла, бросила рюкзак и первым делом попросила три тысячи.

— На что? — спросила тогда Татьяна.

— Надо.

— Мне тоже надо. Кира, говори нормально.

Дочь достала телефон и положила перед ней. На экране была переписка с Никитой Савельевым. Его круглая фотография, его имя. Татьяна помнила фотографии в этом возрасте: мальчики опускали голову и снимали себя снизу, чтобы казаться злее.

«Завтра принесёшь три штуки. Иначе твоей матери ещё устроим».

Татьяна перечитала сообщение, пока эти три тысячи не перестали быть деньгами.

— Что значит «ещё»?

Кира молчала. Она заранее приготовилась к этому молчанию: села так, чтобы мать видела мокрые штанины, но не видела её лица.

За два дня до того Татьяна упала возле служебного входа в прачечную. Несла мешок белья, поскользнулась на сливе, который прихватило морозом. Мешок разошёлся по шву; простыни вывалились прямо в грязный снег. Дина смеялась и одновременно помогала ей подняться. Татьяна сама засмеялась, потому что больно не было, только обидно за новую подошву, которую в магазине называли нескользкой.

Снимать себя она никого не просила.

Никита проходил мимо с двумя приятелями. Снял изда- лека, затем приблизил кадр: Татьяна на четвереньках соби- рала разлетевшееся бельё. Кто-то наложил на видео музы-

ку и подписал: «Доставка королевы». Ролик попал в детскую переписку. Кира узнала её сразу — по пальто с белой пуговицей на манжете вместо чёрной.

Об этом ролике Татьяна узнала уже после сообщения про три тысячи. Смотрела его с телефона дочери, чувствуя, как глупо раскрывается рот у женщины в кадре. Хотелось сказать, что на самом деле было не так. Но было именно так: она упала, Дина смеялась, мешок порвался.

Потом Татьяна взяла свой телефон и позвонила Дмитрию Савельеву.

Он не поверил. Это было хуже всего. Сказал: «Подождите, я с ним поговорю», — словно она могла стоять на кухне с готовым доказательством и ждать, пока он придумает, как защитить сына.

Татьяна отправила снимок в родительский чат. Написала: «Теперь объясните мне, что это». Светлана Погодина ответила первой: «Разбираться немедленно». Татьяне в тот вечер даже понравилось, как быстро она включилась.

Потом было три дня звонков, голосовых сообщений и предложений всем собраться. Никита перестал ходить в школу, потому что его мать решила до выяснения держать его дома. Кира один раз спросила, будут ли из-за такого сажать. Татьяна ответила, что пусть думает тот, кто это пишет.

В понедельник позвонила Инна Дёмина.

Яся показала ей другой разговор. Там был тот же снимок, только отправленный Кирой подруге, и под ним фраза:

«Прикинь, если я это маме скину». Ниже Яся спрашивала, написал ли Никита на самом деле. Кира отвечала: «Нет, но заслужил».

Инна приехала к ним вечером, привезла Ясю. Четыре человека сидели на кухне, где для четырёх человек не было места. Татьяна велела дочери открыть переписку целиком. Кира отказалась. Тогда Инна молча положила на стол телефон Яси.

У Яси дрожали колени. Она спрятала их под табуретку, а потом сказала:

— Я не знала, что ты правда отправишь.

Кира посмотрела на неё с ненавистью.

Она не призналась сразу. Сперва сказала, что написала это для шутки, но Никита до того угрожал устно. Потом — что он не грозил, однако мог бы. После третьего вопроса крикнула матери: «Я из-за тебя вообще-то!»

Татьяна ударила ладонью по столу. Чай выплеснулся из чашки Инны. Яся заплакала, хотя её никто не трогал.

Теперь Татьяне было страшнее всего вспоминать не этот крик. Страшнее — несколько минут перед ним, когда она уже всё поняла, но всё ещё искала, что сказать Инне, чтобы та ушла и они могли разобраться без свидетелей.

На следующий день они с Кирой пришли в школу. В кабинете были Савельевы, Любовь Андреевна и заместитель директора. Никита сидел между родителями и смотрел в пол. Когда Татьяна стала извиняться, он поднял глаза.

— Она всем написала, что я деньги отбираю.

— Я знаю, — ответила Татьяна.

— Мне теперь как идти?

Ответа у неё не было. Его мать, Людмила, плакала тихо, вытирая щёки двумя сложенными салфетками. Дмитрий сидел неподвижно и сказал только один раз:

— Вы нам взрослую жизнь испортить готовы были, а теперь «знаю».

Позже Светлана написала Татьяне: людям сообщили обвинение, людям нужно сообщить, что оно оказалось неправдой. В этом она была права. Татьяна не смогла оспорить саму необходимость исправить сказанное и потому не стала спорить о форме.

Голосовое она записывала пять раз. На четвёртый Кира заперлась в ванной и сказала, что выйдет, когда мать «перестанет позориться». На пятый Татьяна нажала отправку.

Она сообщила, что обвинение было ложным, что Никита денег не требовал, а она поверила изображению переписки, не разобравшись. Попросила не пересылать первоначальное сообщение и не обижать мальчика. Последние слова — «Я прошу у всей семьи прощения» — прозвучали чужим голосом, сдавленным и слишком торжественным.

Некоторые ответили сердечками. Татьяна не знала, что они означают.

В начале марта, сдавая своё пальто, соседка упомянула три тысячи. Про ролик с прачечной она ничего не знала, а

про голосовое знала почти дословно.

Яйцо зашипело громче. Татьяна убавила огонь.

— Ты его с обеих сторон? — спросила Кира.

— Как обычно.

— Не надо переворачивать.

— Ты же всегда просила...

— Сегодня не хочу.

Татьяна накрыла сковороду крышкой. Кира взяла мандарин с записки Олега и стала его чистить, всё ещё не вылезая из одеяла.

— Любовь Андреевна ответила, — сказала мать.

Пальцы дочери замерли.

— Что?

— Говорит, не ходила к кассе. Ушла домой.

— Она врёт.

Татьяна посмотрела на маленький жёлтый круг мандариновой кожуры на столе.

— Кира...

— Вот. Началось.

— Я ещё ничего не сказала.

— Ты так сказала «Кира».

Татьяна переложила яйцо на тарелку. Желток дрожал, белок у самого края успел поджариться. Она поставила тарелку перед дочерью, подвинула хлеб.

— Рассказывать будешь следователю. Что видела, то и расскажешь. Я за тебя не могу знать.

— Ты можешь просто поверить.

Татьяна села напротив. Дочь смотрела на неё поверх тарелки, не мигая.

— Я вчера позвонила. Мы сегодня поедem. Я буду рядом. Это я могу.

Кира опустила вилку. Есть не начала.

В восемь сорок позвонил Резников. Говорил спокойно, чуть хрипло, будто только что вышел с улицы. Предложил приехать к двум: он договорился с психологом, до этого хотел получить объяснение самой Татьяны. Уточнил возраст дочери, спросил, с кем она живёт, и назвал адрес.

— В школу ей сегодня не идти? — спросила Татьяна.

— Этот вопрос решайте сами. Нам нужна будет она и вы. Если ранее что-то писала об увиденном, пусть сохранит, не переписывая.

— Она сказала устно. Отцу. Потом мне.

— Хорошо.

Татьяна хотела добавить про февраль. Уже набрала воздуха. Резников тем временем уточнял, как пишется её отчество, и она ответила на этот вопрос вместо того, который сама себе придумала.

После разговора Кира заявила, что в школу всё-таки пойдёт.

— Сначала не хотела, теперь хочешь?

— Мне тетрадь надо забрать.

— Какую?

— По английскому. Ты все мои тетради знаешь?

В обычный день Татьяна бы прикрикнула. Сейчас сказала:

— Я провожу и заберу. К двум нам ехать.

Кира отодвинула тарелку с нетронутым яйцом.

У подъезда уже стояла Валентина Егоровна с мусорным пакетом. Увидела их, помедлила, потом заговорила об исчезнувших весной урнах, словно в доме за ночь произошло только это.

— Куда теперь носить, непонятно. Вон до контейнеров всё растаяло, не пройдёшь.

Татьяна кивнула. Была благодарна ей за урны.

Кира шагала впереди. Над серыми домами стояло низкое светлое небо; снег вдоль дороги почернел, обнажив прошлогоднюю траву и обёртки. Татьяна увидела, что у дочери один шнурок развязался, сказала об этом. Кира затянула узел прямо на ходу, поставив ногу на бетонный блок, и снова ушла вперёд.

У школы собрались взрослые. Одни привели детей, другие, кажется, пришли просто постоять. Белый микроавтобус телеканала остановился на противоположной стороне дороги. Из него вышел мужчина с камерой, посмотрел на школьную вывеску, потом поднял воротник.

— Не смотри туда, — сказала Татьяна.

— Да я не смотрю.

Кира поднялась по ступенькам, придержала дверь для первоклассника. Он прошёл у неё под рукой, волоча почти

пустой мешок со сменкой. Когда дверь закрылась, Татьяна осталась среди родителей одна, хотя минуту назад они с дочерью шли вместе.

Дмитрий Савельев стоял у ограды. Рядом был Никита: засунул руки в карманы и слушал отца, глядя куда-то вбок. Татьяна хотела пройти мимо, но Савельев заметил её.

— Доброе утро, — сказала она.

Он кивнул. Никита не повернулся.

— Вы вчера со Светланой говорили? — спросил Дмитрий.

— В коридоре. А что?

— Меня ночью спрашивали, кто оставался. Я рано вышел.

— Меня тоже спрашивали.

Он застегнул на сыне верхнюю кнопку куртки. Никита дёрнул плечом.

— Пап, ну хватит.

— Иди. Я после шестого заберу.

Мальчик побежал через двор. Дмитрий проводил его глазами и повернулся к Татьяне.

— Там камеру привезли. Дети сейчас начнут рассказывать всё подряд. Вы своей скажите, чтобы к ним не лезла.

Татьяна посмотрела через дорогу. Мужчина с камерой уже разговаривал с двумя женщинами.

— Я сказала.

Савельев хотел ответить, но из дверей школы вышла Любовь Андреевна. На ней была вчерашняя кофта, поверх неё — расстёгнутая куртка. Она заметила Татьяну, подошла и

тихо попросила зайти.

— Ваша дочь уже пришла. Давайте сейчас поговорим, пока не начались уроки.

Татьяна спросила:

— О чём?

Учительница посмотрела на Дмитрия, потом на микроавтобус за дорогой.

— Не здесь.

Глава 4. Голос в коридоре

Любовь Андреевна привела её в пустую учительскую. На длинном столе стоял электрический чайник, рядом на блюде лежали засохшие половинки лимона. Кто-то оставил открытым журнал с колонками фамилий. Учительница перевернула его обложкой вверх.

— Садитесь.

Татьяна осталась стоять.

— У меня к двум вызов. Потом Кира.

— Я не задержу. Вы кому-то уже рассказывали то, что написали мне ночью?

— Полиции.

Любовь Андреевна положила очки на стол. Одна дужка попала на мокрый круг от чашки.

— Понятно.

— Они сами просили сообщать, если что-то...

— Я понимаю. Вы правильно сделали, что сообщили. Но вы же помните, чем закончилась прошлая поспешность.

Татьяна стиснула ручки сумки. В феврале она слышала этот голос совсем другим: тогда Любовь Андреевна осторожно, как к больной, обращалась к ней по имени-отчеству. Теперь снова могла говорить «вы же помните».

— Дочь говорит, видела вас. Я передала именно это.

— Передали с уверенностью?

— Я не присутствовала. Как я могу с уверенностью?

— В таком случае объясните ей, пожалуйста, что узнать человека издалека и точно его видеть — разные вещи.

— Она говорит, видела лицо.

Учительница открыла сумку, потом закрыла. За дверью хлопали шкафчики, переговаривались две женщины. Одна спросила другую, у кого ключ от методического кабинета.

— Татьяна, сейчас погиб человек. Вы ведь понимаете, что это уже не наша внутренняя школьная история?

— Понимаю.

— Поэтому я прошу вас...

— Что именно вы просите?

Любовь Андреевна посмотрела на неё устало и неприязненно.

— Я прошу не делать меня виноватой на основании слов ребёнка, который уже однажды...

Татьяна перебила:

— Я не говорила, что вы виноваты.

— А что вы говорили?

— Что Кира видела вас со Светланой. Если бы она видела меня, я бы сказала, почему мы там стояли.

За дверью замолчали. Татьяна поняла, что говорила слишком громко. Учительница тоже поняла и подошла закрыть дверь плотнее, но та не защёлкивалась: язычок упирался в косяк. Пришлось оставить как было.

— Мы разговаривали здесь, в школе. После собрания, —

сказала Любовь Андреевна. — Вы сами это видели.

— Я видела, как вы её позвали.

— Вот. Мы уточняли некоторые вопросы.

— Потом?

— Потом я ушла домой.

— Вы через заднюю калитку ходите?

Учительница медленно взяла со стола очки и вытерла мокрую дужку.

— Я хожу разными дорогами. До свидания, Татьяна. Меня ждёт класс.

Когда они вышли, у шкафчиков никого не было. Осталась синяя кофта, перекинутая через спинку стула, и кружка с надписью про лучший класс. Татьяна пошла к выходу, не глядя по сторонам. Внизу охранник спросил, всё ли она решила.

— Не знаю, — ответила она.

Он кивнул, словно это был обычный ответ школьных родителей.

До назначенного времени оставалось ещё несколько часов. Дома Татьяна пыталась погладить чистые наволочки хозяйки квартиры: их было всего четыре, они лежали с воскресенья. После второй выключила утюг, проверила, что действительно выключила, и пошла к школе слишком рано.

Кира вышла одна. Увидела мать и резко свернула вдоль ограды.

— Стой. Нам в другую сторону.

— Я знаю.

— Что случилось?

Дочь не ответила. Татьяна догнала её возле остановки.

— Любовь Андреевна к тебе подходила?

— Она при всех сказала, чтобы мы не придумывали подробности. На меня не смотрела.

Татьяна представила себе класс: двадцать с лишним детей, учительница у доски, тщательно отведённый взгляд. От этого взгляда нельзя было защитить дочь никаким разговором в пустой учительской.

— Она твоё имя называла?

— Не надо, мам. Пожалуйста.

— Что не надо?

— Идти обратно. Писать. Звонить. Ты начинаешь защищать, потом хуже.

Кира встала за остановочный павильон, спрятавшись от дороги. Под стеклом висела афиша детского концерта. У улыбающегося мальчика на афише кто-то дорисовал усы. Татьяна заметила, как дочь посмотрела на них и отвела глаза.

Они поехали на автобусе. Кира села у окна, прижала рюкзак к животу и всю дорогу не вынимала телефона. Татьяна держала в сумке свой паспорт, свидетельство о рождении дочери и школьный бланк согласия, который попал туда по ошибке. В здании следственного отдела её попросили подождать. На стене висели часы, и каждая минута у них начиналась с сухого щелчка.

Резников вышел сам. Он был моложе, чем Татьяна представила по голосу, в простой тёмной рубашке. Спросил, не холодно ли им в коридоре, указал на батарею возле другого окна.

— Сначала поговорим с вами. Дочь пока здесь. Полина Викторовна сейчас подойдёт.

Татьяна посмотрела на Киру.

— Я подожду, — сказала та раньше, чем мать успела спросить.

В кабинете Резникова на подоконнике лежала стопка папок, прижатая банкой растворимого кофе. Татьяна смотрела туда, пока он записывал её данные. Потом он объяснил порядок разговора, права, ответственность и предложил рассказать о вчерашнем вечере с того момента, как она пришла в школу.

Сначала рассказ получился длинным и ненужным: отпросилась со смены, не было автобуса, опоздала, села возле Савельева. Резников её не останавливал. Лишь один раз уточнил, откуда она узнала время окончания собрания.

— По ощущениям. В магазине потом посмотрела на телефон, было девятнадцать двадцать две.

— Чек сохранился?

Она стала рыться в сумке. Нашла аптечный, отдала ему не тот, забрала обратно. Магазинный лежал в пакете с хлебом, а бумажку на кухне оставил Олег — это был его чек, не её.

— Дома. Если не выбросила.

— Найдёте — сообщите. Если не найдёте, тоже скажите. Не подбирайте похожий.

— Зачем бы мне подбирать?

— Иногда люди хотят помочь и приносят вчерашний вместо нужного. Я поэтому уточняю.

Он спросил про ссору. Татьяна повторила вчерашние слова, а на фразе «Ты же только что сказала» сбилась: в школе она на «ты» обратилась к Светлане впервые за долгое время. Резникову это было неважно. Ему было важно, куда Погодина направилась, когда Татьяна пошла к лестнице, и видел ли кто-нибудь ещё их разговор.

— Я её за руку не хватала, — вдруг сказала Татьяна.

Он поднял голову.

— Я об этом не спрашивал.

— Она меня за рукав тронула. Я убрала её руку. Это всё. Резников помедлил, затем записал и это.

Про февраль он спросил отдельно. Татьяна рассказала. Не стала объяснять, что дочь защищала её от унижительного ролика, пока он не спросил о причине. Назвала и сообщение о трёх тысячах, и то, как выяснилось, что оно поддельное.

— Сохранилось?

— У меня и у Инны. Наверное, у многих.

— Первые сообщения пришлётё, о которых говорили. С датами. То, что касается ссоры со Светланой.

Татьяна кивнула.

— Теперь ей не поверят? — спросила она.

Резников отодвинул клавиатуру.

— Я не знаю, что она видела. Для этого и будем спрашивать. Вчерашний вечер проверяем отдельно.

Татьяна не сразу поднялась.

— Скажите хотя бы, что со Светланой сделали.

— По предварительным данным, её задушили. Точные обстоятельства устанавливаем.

Татьяна посмотрела на собственные руки, лежавшие на сумке. Вчера она сняла чужую ладонь со своего рукава и ушла за хлебом. За стеной кабинета кто-то засмеялся; ей стало стыдно за то, что этот обычный звук вызвал такую злость.

В коридоре Кира сидела рядом с женщиной в сером жакете. У женщины были короткие волосы, мягкая тканевая сумка и бутылка воды. Она говорила с дочерью о том, где здесь туалет. Татьяне этот разговор понравился больше, чем если бы она услышала сочувствие.

— Полина Викторовна Титова, психолог, — представилась женщина. — Вы мама?

Кира вздохнула, словно мать и здесь пыталась занять слишком много места.

В кабинете подготовили камеру. Резников объяснил, зачем записывают разговор; спросил о возражениях. Кира посмотрела на мать. Татьяна ответила, что не возражает, и дочь тихо сказала то же. Психолог села сбоку, мать — чуть позади Киры. Резников попросил Татьяну не дополнять ответы, даже если ей кажется, что дочь забыла важное.

Он начал не с учительницы.

— Расскажи, что ты делала вчера после уроков.

Кира назвала время, когда закончились занятия, сказала, что дошла до дома, поела, потом гуляла с Ясей. Не глядя на мать, уточнила, что разрешения гулять не спрашивала.

— Где гуляли?

— По двору. Потом до школы.

— Зачем до школы?

— Просто.

— С Яной вместе?

— Сначала. Она домой раньше ушла.

Татьяна смотрела на волосы дочери. В хвосте выбилась тонкая прядка, электризовалась и прилипла к воротнику. Очень хотелось поправить. Она убрала руки под сумку.

— Ты говоришь, видела Светлану Погодину. Расскажи об этом сама, как помнишь.

Кира поёрзала.

— Я шла со стороны пятиэтажек. Там тропинка, не главные ворота, а к стадиону. Они стояли возле кассы. Только не прямо возле стены. Где калитка и фонарь. Костина мама и Любовь Андреевна.

— Как далеко ты была?

— Не знаю. Отсюда до той двери, наверное. Или дальше.

Она показала на коридор. Резников не переводил её жест в метры. Спросил, можно ли было видеть лица.

— Любовь Андреевна повернулась. Я сразу узнала. А Ко-

стина мама боком. Она в шапке была, такой чёрной, но я её тоже узнала.

— Что они делали?

— Стояли. У Любви Андреевны была папка. Костина мама в неё показывала. Потом Любовь Андреевна закрыла. Вот так.

Кира свела ладони. Правой ударила по левой тыльной стороной, получилось неестественно, и она тут же повторила жест.

— Что они говорили, ты слышала?

— Нет. Там дорога. Машины. Только она смеялась.

— Кто?

— Костина мама.

— А потом?

— Я ушла.

— Они остались?

— Наверное. Я не смотрела.

— Почему не посмотрела?

Кира перевела взгляд на психолога.

— Не хотела, чтобы учительница увидела.

— Почему?

— Мама думала, что я дома. Ну и... Она бы спросила, почему я здесь.

Татьяна знала эту интонацию. За словами «ну и» оставалось что-то ещё. Она наклонилась вперёд, но Полина Викторовна коротко посмотрела на неё, и Татьяна выпрямилась.

Дальше уточняли время. Кира сказала: после семи, но до того, как написала матери, что уже дома. Резников попросил показать сообщение. Девочка сама открыла переписку. Де-вятнадцать двадцать две.

— Когда ты его отправляла, где была?

Кира посмотрела на мать впервые с начала разговора.

— Уже почти дома.

Татьяна кивнула, хотя её никто ни о чём не спрашивал.

— «Почти» — это где? — уточнил Резников.

— Возле нашего магазина. Который во дворе. Не где мама покупала.

— Понял. Кого-нибудь ещё встречала по дороге?

Дочь перечислила пожилую женщину с собакой и двух ребят, знакомых ей в лицо. Фамилий их не знала; они окликали друг друга прозвищами, которых она не разобрала.

Прошло минут сорок. Психолог предложила перерыв, и Резников остановил запись. В коридоре Кира выпила почти всю воду из бутылки Полины Викторовны. Татьяна дала ей свой платок вытереть мокрый подбородок. Дочь взяла его молча.

— Мам, я сегодня точно больше никуда не пойду?

— Домой поедem.

— Я не хочу на автобусе.

Татьяна проверила остаток на карте.

— Возьмём такси.

После перерыва долгое возвращение к вечеру не понадо-

билось: уточнили одежду, видимость, направление тропинки. Ничего нового Кира не сказала. Когда читали записанное, она попросила исправить «шла к стадиону» на «шла по тропинке возле стадиона». Татьяна почувствовала странное облегчение от этой маленькой поправки. Дочь хотя бы следила за тем, что за ней записали.

На выходе она спросила у Резникова, действительно ли Погодину убили. Он посмотрел на Татьяну, потом снова на Киру.

— Мы расследуем её смерть. То, что ты рассказала, проверим. Если вспомнишь что-то ещё, скажи маме, она свяжется со мной.

— А учительница узнает, что это я?

— Сведения о разговоре просто так не распространяют. Но она уже знает от твоей мамы, что ты сообщила о встрече. Я правильно понимаю?

Татьяна ответила, что писала Любове Андреевне Скворцовой. Кира отвернулась.

Резников не стал обещать, что никто ничего не узнает. Записал телефон Олега, проводил их до двери.

В такси дочь закрыла глаза и прислонилась лбом к стеклу. На поворотах её качало. Татьяна попросила водителя сделать музыку тише, и тот выключил совсем.

Возле дома Кира неожиданно взяла мать за рукав.

— Я не придумала их.

— Я слышала, что ты сказала.

— Не это. Ты всё время так отвечаешь.

Татьяна стояла с открытой дверцей, не зная, выйти ей или сесть обратно. Водитель смотрел на них в зеркало.

— Кира, пойдём домой.

Дочь отпустила рукав. Через лужу возле подъезда они переступили по одному кирпичу, который кто-то положил в воду утром. Татьяна подождала, пока Кира откроет дверь ключом.

Уже на лестнице пришло сообщение от Инны.

«Яся говорит, Киру сегодня забрали спрашивать. Это правда? Позвони мне. Они вчера вместе не гуляли».

Глава 5. У задних ворот

Инна приехала сама. Поставила у двери пакет с яблоками, хотя её никто не просил ничего покупать, и не стала снимать куртку.

— Яся у бабушки была. С половины седьмого. Я её после работы забрала.

Татьяна стояла посреди кухни. За стеной Кира включила воду в ванной. Шум не прекращался так долго, словно она собиралась вымыть всю квартиру.

— Я ей написала, — продолжала Инна. — Спросила, может, до бабушки успели погулять. Говорит, после уроков поделись, потом нет.

— Я поняла.

— Ты только не подумай, что я...

— Инна, я поняла.

Она подвинула гостье стул. Та наконец расстегнула куртку, но садиться не стала.

— Нам второй раз это не надо. Я тебе честно говорю. Яся в феврале неделю плакала, что Киру сдала. Я ей объясняла, что правильно сделала, а она всё равно. Сейчас она ни при чём.

Вода выключилась. За дверью ванной стало тихо.

Татьяна позвала дочь. Кира вышла, вытирая руки о штаны, хотя полотенце висело на своём месте.

— Мы вчера не гуляли, — сказала она сразу. — Я просто так сказала.

Инна посмотрела на Татьяну.

— Зачем? — спросила та.

— Чтобы ты не ругалась, что я одна.

— Ясей решила прикрыться?

— Я не прикрывалась.

— А как это называется?

Кира сжала губы. Татьяна почувствовала, как их разговор возвращается на знакомую дорожку: сейчас она повысит голос, дочь заплачет или закричит, Инна станет просить их обеих успокоиться. Потом все будут долго объяснять, что имели в виду.

— Хорошо, — сказала Татьяна. — Я сообщу следователю, что вы не были вместе.

Кира вскинула голову.

— Мам!

— Ты там сказала, что была с Ясей. Я не могу оставить это так.

— Тогда они вообще ничего не...

Она осеклась. Инна взяла сумку.

— Я пойду. Таня, ты позвони, если что. Но Ясю, пожалуйста, не надо.

После её ухода Татьяна закрыла дверь и прислонилась к ней затылком.

— Где ты гуляла одна?

— Я сказала. У школы.

— Почему именно там?

— А где мне можно? До вокзала можно? До торгового можно? Никуда нельзя. У школы тоже теперь нельзя.

— Я спрашиваю про вчера.

Кира заплакала внезапно, зло, как будто слёзы сами её оскорбляли. Ушла к себе, но дверь не захлопнула. Татьяна слышала, как она несколько раз втянула носом воздух.

Она позвонила Резникову. Сказала, что в рассказе дочери нужно кое-что исправить. Он выслушал, попросил контакты Инны, уточнил, сама ли Кира признала, что была одна.

— Да. Только что.

— Я понял. Свяжусь с вами, если понадобится дополнительное действие. Пока запишите её слова как помните. Не заставляйте восстанавливать весь вечер заново.

— Получается, она и вам соврала.

— Получается, рассказ о Яне нужно проверить. Я это услышал.

Сначала Татьяна встряхнула пакеты из-под вчерашних покупок, заглянула в кухонный ящик. Магазинного чека не было. Сообщила Резникову: «Чек не нашла».

Потом она открыла тетрадь с тремя подбородками. На новой странице написала время, затем фразу Киры: «Чтобы ты не ругалась, что я одна». Ручка плохо писала на месте, куда упала капля от мокрого рукава.

Она могла бы остаться дома и каждые пять минут загля-

дывать в комнату дочери. Вместо этого позвонила матери, спросила, можно ли привести Киру на пару часов. Мать жила в соседнем доме, на первом этаже. Сказала, что суп ещё горячий.

Кира удивительно легко согласилась. Возможно, у бабушки её ждало меньше вопросов.

Татьяна отвела дочь, купила по просьбе матери молока, а потом пошла в сторону школы. Она никому не сообщала, куда идёт. От этого было неприятно: только что требовала отчёта от ребёнка, а сама свернула у магазина и ускорила шаг.

У главного входа стало пусто. Микроавтобус уехал, в окнах первого этажа зажгли свет. За сеткой спортивной площадки стоял одинокий человек в рабочей жилетке. Татьяна пошла вдоль ограды, туда, где школьные пятиэтажки кончались и начинался проход к стадиону.

Она давно не ходила здесь пешком. Кира когда-то каталась по этому асфальту на самокате, и Татьяна несла за ней куртку: дочери было жарко даже в ноябре. Касса тогда уже не работала. У круглого отверстия в окошке дети продавали друг другу камни и кленовые семена.

Теперь к ручке двери была привязана полоска ленты. На снегу перед ней стояли две пластмассовые банки с гвоздиками. Стена казалась ниже, чем Татьяна помнила. Возле калитки горел жёлтый фонарь, хотя ещё не совсем стемнело.

Сотрудник в форме заметил её и показал рукой, чтобы не

подходила ближе.

— Здесь проход закрыт. Обходите по улице.

— Я не собиралась туда. Хотела только...

Она не договорила. Что она хотела? Проверить зрение дочери из другого места, при другом освещении, когда ни Светланы, ни учительницы здесь не было?

Татьяна остановилась на общественной дорожке, не заходя за ленту. Слева были пятиэтажки. Если Кира шла от них, то видела бы фонарь спереди, а лица стоявших под ним — вполоборота. Издалека кто-то действительно мог показаться Любовью Андреевной. С расстояния через узкий проезд ошибиться было труднее. Но Татьяна всё равно не знала, где именно стояла дочь.

— Вы её родственница? — спросили сзади.

Она обернулась. Мужчина с букетом стоял возле белой машины. На нём была тёмная куртка с маленькой нашивкой службы доставки. Лицо красное, припухшее, над верхней губой след неудачного бритья.

— У нас дети в одном классе, — сказала Татьяна.

— А.

Она узнала Игоря Погодина не сразу. На школьных фотографиях он улыбался, держал Костю за плечи и казался намного крупнее. Сейчас в широкой куртке его плечи осели.

— Соболезную.

Он кивнул, глядя на цветы.

— Они сказали, поставят. Самому не дают.

— Вам?

— Никому.

Игорь подошёл к сотруднику, что-то объяснил, протянул букет. Татьяна отвернулась, чтобы не наблюдать, как он просит разрешения на такую простую вещь. У площадки за школой стояла белая «Калина» с приоткрытым капотом. Рядом с ней работали двое мужчин; один держал маленький фонарь, хотя дневного света ещё хватало. Номер Татьяна не запомнила. У крыла белела какая-то новая неровная полоса.

Игорь вернулся без цветов.

— Вы вчера были на собрании? — спросил он.

— Да.

— Света про меня не говорила?

— Нет.

Он долго смотрел на Татьяну, словно решал, достаточно ли этого ответа.

— Костя сказал, опять ругались из-за поездки.

— Деньги обсуждали.

— И вы с ней ругались.

Татьяна почувствовала холод под пальто.

— Поспорили. О другом.

— Он уже всё знает. Все уже всё знают. Сидят у себя и передают друг другу.

У него в кармане зазвонил телефон. Игорь вынул, прочитал имя и отключил звук.

— Костя у вас? — спросила Татьяна.

— У моей сестры. Не хочу, чтобы он сюда.

— Конечно.

Игорь посмотрел на машину.

— Она мне назначила здесь. В половине восьмого. Хотела поговорить без него.

Татьяна не знала, что ответить. Слова «вы опоздали?» уже шевельнулись в голове, но она удержала их.

— Я звонил, — сказал он. — Она не брала. Машина стояла. Я ещё раз позвонил.

Он замолчал. Татьяна смотрела на залом у него на рукаве, потому что смотреть ему в лицо было слишком тяжело.

— Они ваши руки зачем... — начала она и остановилась.

На его пальцах виднелись остатки тёмного порошка, въевшегося в складки кожи. Или это была обычная рабочая грязь; она не знала. Он опустил руки в карманы.

— Всё смотрели. Всю ночь. Квартиру, фургон. Я им сразу сказал, где был.

К ним подошла Гусева. Татьяна узнала её по голосу прежде, чем женщина представилась: плотная, невысокая, в коротком пальто, шарф затянут так, что подбородка почти не видно.

— Игорь, вас сейчас позовут. Вы пока здесь подождите. Потом она посмотрела на Татьяну.

— Сомова?

— Да. Мы вчера говорили.

— Вы зачем приехали?

— Пешком пришла. Хотела посмотреть, откуда дочь могла видеть.

Гусева окинула взглядом дорожку и ограду.

— С дочерью это отдельно сделают, если потребуется. Не надо её сюда приводить самим и подсказывать место.

— Я одна. Она у бабушки.

— Хорошо. Если у вас что-то ещё появилось, следовательно сообщайте.

В голосе не было раздражения, но Татьяна почувствовала себя лишней. Она попрощалась с Погодиным и пошла обратно. За спиной сотрудник поднимал букет, чтобы переставить дальше от лужи.

Вероника ждала у машины на школьной стоянке. Не Татьяну — по крайней мере, сначала так показалось. Она говорила по телефону, размахивала свободной рукой, потом увидела её и поспешно отключилась.

— Таня. Подойди.

Татьяна не хотела подходить, но всё-таки свернула.

— Они у тебя про деньги спрашивали?

— Про собрание.

— Ну про спор. Со Светкой.

— Спрашивали.

Вероника прижала телефон к груди.

— Ты им сказала, что она со всеми так разговаривала?

— Меня спрашивали, как было вчера.

— Понятно.

Она открыла заднюю дверцу, подвинула детское кресло, хотя Даша давно из такого выросла, и стала искать что-то в коробке. Там лежали небольшие одинаковые пакеты, фломастеры, папки с прозрачными карманами.

— Ты школьные папки забрала? — спросила Татьяна.

— Я покупала. Это мои. На занятие.

— Я просто спросила.

— Сейчас все просто спрашивают.

Вероника выпрямилась. В руке у неё был мятый конверт.

— Тебе я могу вернуть те деньги, если ты переживаешь.

Тысячу четыреста. Прямо сейчас.

Татьяна посмотрела на конверт, потом на неё.

— Я не просила вернуть.

— Ну ты вчера спрашивала.

— Сколько доплачивать.

— Какая разница? Забери и всё.

Татьяна ощутила знакомое желание согласиться. Тысяча четыреста — продукты на несколько дней, такси сегодня уже съело часть остатка. Можно взять своё, перестать быть участницей этой истории с автобусом, сказать Кире, что пока не поедет.

Вероника протянула конверт ближе.

— Только в общий чат сейчас не пиши. Я всем постепенно верну. У людей же разное положение.

— Тогда переводом, — сказала Татьяна. — И подпиши, за что возвращаешь.

Вероника убрала руку.

— У меня на карте сейчас нет.

— Позже.

— Таня, ты чего? Я тебе по-человечески.

Татьяна застегнула карман пальто, хотя он и так был закрыт.

— Я тоже.

От стоянки она ушла почти бегом. Деньги всё ещё очень хотелось взять. Её злило, что даже сейчас, после гибели человека, голова успевает считать пакеты молока.

У матери Кира заснула на диване перед включённым телевизором. Бабушка смотрела передачу без звука: сказала, не хотела будить. Под щекой у дочери лежала ладонь, на ресницах засохли следы слёз.

— Есть будешь? — спросила мать.

Татьяна покачала головой.

— Зря. От голода только хуже.

Она всё-таки села на кухне и съела тарелку супа. Мать не спрашивала ничего о школе. Сказала лишь, что в комнате пора подклеить обои возле окна; если Олег будет в воскресенье, пусть посмотрит. Татьяна ответила: сама посмотрит.

Киру пришлось будить трижды. Дочь шла домой медленно, сонная, злилась на каждый скользкий участок. В квартире бросила куртку на стул и скрылась в ванной.

Татьяна подняла куртку. Из открытого кармана выпал ключ на коротком тканевом шнурке. Ключ был обычный, от

их нижнего замка, но у самого основания бороздки застряло что-то белое.

Она поднесла его к лампе.

Татьяна часто находила белые крошки в вещах после смены: от порошка, от штукатурки возле лестницы, от дешёвого мелка для меток на мешках. Эта крошка была твёрдой. Она провела по ней ногтем и остановилась.

В памяти возникло белое крыло «Калины», фонарик в руке мужчины и неровная полоса, которую она успела заметить, отвернувшись от Погодина.

Ключ лежал у неё на ладони, ещё тёплый от кармана дочери.

Глава 6. Рабочая температура

Кира посмотрела на ключ и сразу перестала вытирать волосы.

Татьяна положила его на стол, подальше от мокрого полотенца.

— Это от машины?

Дочь опустила глаза.

— Кира.

— Я только поцарапала.

Татьяна села. Колени подогнулись так неожиданно, что стул едва не отъехал из-под неё.

— Зачем?

— Она сказала про тебя.

— Что она сказала?

— Всё время говорит. И Костя. Как будто я теперь всегда буду...

Кира бросила полотенце на подоконник. Напротив светилось окно соседней кухни. Там человек в белой майке стоял спиной к стеклу и что-то резал на доске.

— Я подошла, — сказала она. — Они разговаривали. Я их увидела и пошла к машине. Она всегда там ставит. Я по двери провела. Один раз. И ушла.

— Сразу домой?

— Да.

— А фотографировала?

Кира вскинула глаза.

Татьяна не знала, почему спросила. Возможно, потому что в тринадцать лет теперь фотографировали всё: чужую беду, свой обед, пакет от покупки, новый след на чужой вещи. Дочь медленно достала телефон.

На снимке была белая дверца. Полоса от ключа шла неровно, к концу делалась тоньше. В чёрном стекле отражались фонарь и размытый край куртки Киры. Ни Светланы, ни учительницы в кадре не было.

Татьяна посмотрела время в сведениях к фотографии: девятнадцать шестнадцать.

— Кому отправила?

— Никому.

— Точно?

— Хотела Ясе. Но мы поругались. Я не отправила.

— Ты сегодня это не показала.

— Ты же видела, что я не показала!

Дочь почти кричала. Татьяна вдруг представила её за своим плечом в кабинете Резникова: маленькая, упрямая, смотрит на выключенную камеру и ждёт, когда можно будет уйти. Всё это время фотография лежала у неё в телефоне.

— Мам, я её не трогала. Вообще к ней не подходила. Я только машину.

— Я слышу.

— Ты не слышишь!

Татьяна прижала ладонь к столу. На нём ещё оставались круги от чашек.

— Я не буду с тобой сейчас кричать. Мы сообщим про фотографию и про машину. Ключ никуда не убирай.

— Ты хочешь, чтобы меня посадили?

— Я хочу понять, что ты делала вчера. Я узнаю это кусками, Кира. Каждый раз мне говорят люди со стороны или я нахожу...

Она замолчала, потому что дальше было легко произнести то, чего дочь потом не забудет. Кира села напротив, положила руки между коленями.

— Я не убивала её, — повторила она тихо.

Татьяна подвинулась вместе со стулом и обняла её. Кира сначала сидела жёстко, упираясь подбородком в плечо, потом всё-таки обмякла. Из мокрых волос холодило шею.

Они сидели так недолго. Телефон зазвонил, и Кира вздрогнула всем телом. Это был Олег.

Он приехал через двадцать минут, выслушал их и первым делом сказал, что ключ мог поцарапать что угодно. Татьяна молча показала фотографию.

— Понятно, — ответил он после паузы.

— Понятно, — повторила она.

— Я машину оплачу.

— Дело сейчас не в оплате.

— А в чём? Царапину сделала. Нехорошо, конечно. Но она же...

Он остановился, глядя на дочь.

Татьяна набрала номер Резникова. Он ответил не сразу. Выслушал, спросил, где находятся телефон и ключ, кто к ним прикасался, не пытались ли они очистить ключ или переслать снимок через редактор. Татьяна сказала, что подняла его с пола, тронула белую крошку ногтем, но ничего не смывала. Фотографию только открывали.

— Завтра утром согласуем передачу и уточнение показаний, — сказал он. — Не чистите, не исправляйте. Я сейчас сообщу сотруднику, он уточнит порядок. Девочка дома?

— Дома.

— Хорошо.

Олег весь разговор смотрел в окно. Когда Татьяна закончила, он спросил, нельзя ли было сначала позвонить ему.

— Ты здесь сидишь.

— Я не об этом. Есть люди, которые знают, как правильно говорить. Ты каждый раз бежишь первая и всё выдаёшь.

— Как надо было сказать?

— Я не следователь.

— Я тоже.

Он потёр лицо ладонями. Потом подошёл к Кире, сел на корточки возле её стула.

— Так больше не делают, поняла? Обидно — говоришь мне. Я разберусь.

Кира кивнула, глядя в стол. Татьяна не стала спрашивать, почему он не разобрался с тем роликом, когда мог позвонить

отцу Никиты сам. Ссора на эту тему была у них ещё в феврале, ничего нового она бы сейчас не принесла.

Ночь Кира провела у бабушки. Попросила сама, и Татьяна согласилась. Она не могла обижаться на ребёнка за то, что тот хочет поспать в комнате, где на столе не лежит ключ от собственной квартиры, ставший чем-то страшным.

Утром Олег повёз дочь к следователю; Татьяна передала всё, о чём договорилась по телефону, объяснила, кто и когда держал вещи. На разговор с Кирой снова пригласили психолога; из родителей с ней остался Олег. Татьяна появилась на работе к десяти, после почти двух часов ожидания и подписей. От запаха горячего белья сначала защипало глаза.

— Всё? — спросила Дина.

— На сегодня не знаю.

— Я до трёх могу. Потом у малого зуб.

— Я останусь.

— Тебе разрешат?

Татьяна поняла, что Дина имеет в виду не начальницу.

— Олег с Кирой. Мама дома. Останусь.

Она переоделась в служебном закутке за шкафом. Чистый халат был ещё чуть влажный на поясе. На дверце шкафа висела фотография Дининого сына, улыбающегося без двух передних зубов. Сегодня ему должны были лечить третий. Татьяна провела пальцем по скотчу, отошедшему от железа, и прижала его обратно.

В окно выдачи сунули накладную.

— Восемь наволочек недоложили.

— Номер заказа?

— Там написано.

Татьяна посмотрела. Накладная была чужая, из другой прачечной. Она вернула её мужчине.

— Вам соседний проезд. У нас «Белый день».

— А вывеску нормально сделать можете?

— Можем. Вон она.

Он забрал бумагу. Татьяна прикрыла окно и почти улыбнулась. Этого человека можно было отправить в правильный проезд. Он поворчит, пройдёт пятьдесят метров и найдёт свои наволочки.

В одиннадцать привезли бельё из небольшого отеля: половину без положенных бирок, всё в одинаковых мешках. Татьяна разрезала завязки, пересчитывала простыни и просила водителя не торопить её. Он торопил. Телефон в кармане мигал непрочитанными сообщениями.

Олег написал, что Киру отпустили. Потом: «Позвони, как сможешь».

Татьяна не могла. Перед ней лежали сорок две простыни, в накладной значилось сорок четыре. Водитель уверял, что она плохо посчитала. Она пересчитала ещё раз, показала ему две пустые строчки и дождалась подписи.

Дина поставила рядом чай в кружке с отбитой ручкой.

— Пей, пока я здесь.

— Спасибо.

— Ты чего почернела-то? Не спала?

— Плохо.

— У нас одна тоже не спала. Весь вечер мне ссылки слала.

— Кто?

Дина махнула рукой.

— Неважно. Ты пока не открывай городское. Там такое понаписали.

Татьяна открыла сразу.

В местной группе под фотографией стадиона было уже больше трёхсот комментариев. Сначала спрашивали о семье, о сыне, о времени происхождения. Потом появилась женщина, сообщившая, что убитая «многим наступила на хвост». Ей ответили, что покойных не обсуждают. Ниже другой человек написал про конфликт в школе и девочку, которая раньше оклеветала мальчика.

Фамилии не было. Возраст, класс и подробности оказались точными.

«Мать сначала всех на уши поставила, потом извинялась. Теперь говорят, дочь опять что-то видела».

Татьяна увеличила экран, будто от этого могла увидеть автора за маленькой круглой фотографией собаки. Профиль был закрыт. Она успела нажать на него дважды, прежде чем Дина забрала телефон.

— Дай мне, — сказала Татьяна.

— Не надо туда писать сейчас.

— Дина. Отдай.

Та вернула. Татьяна сделала снимок комментария. Потом открыла пустое поле ответа.

Ей хотелось написать, что дочь не утверждала, будто видела убийство. Что прежнее сообщение они исправили, а видео с падением матери до сих пор гуляет по детским телефонам. Что Светлана действительно спорила с другими и почему сейчас все смотрят только на них.

Она набрала первые две фразы и увидела, как под ними появляется её собственное имя.

Татьяна стёрла написанное, закрыла группу и отправила снимок Резникову. Спросила, нужно ли что-то делать. Ответа не было — он не обязан был отвечать мгновенно.

— Поешь, — сказала Дина.

— Не хочу.

— Тогда хотя бы сядь. У тебя руки трясутся, мешок порвёшь.

Татьяна села на деревянный ящик у батареи. От цеха шёл густой жар, а у окна тянуло. Она взяла кружку двумя руками, осторожно обходя место, где откололась ручка.

В час позвонила мать. Сказала, Кира поела, сидит с Олегом, рисует. Про комментарии пока не спрашивала. Татьяна попросила не давать ей читать новости. Мать ответила: у Олега телефон при себе, силой она его отнимать не будет.

— Я просто прошу побыть рядом.

— Я и так рядом, Таня.

После обеда приехала Эльза Романовна. Зашла в приём-

ную, посмотрела на очередь, сняла пальто и сама встала к свободному окну. Когда людей стало меньше, подозвала Татьяну к шкафу с бумагами.

— У меня завтра проверка по договору с больницей. Я тебя на приём оставляю или менять график?

— Оставляйте. Если вызовут, скажу.

Начальница достала ручку и застыла над листом.

— «Если вызовут» я в график не поставлю. Мне кто-то должен здесь быть.

Татьяна смотрела на её аккуратные ногти, на браслет часов, на клеточки, где людей записывали так, чтобы они не исчезали посреди смены.

— Давайте я к шести приду. До открытия всё подготовлю. Потом Дина выйдет, если меня не будет.

— Дина завтра с десяти. Она за тебя уже...

— Я знаю.

Эльза Романовна закрыла ручку.

— Я не ругаю. Но ты мне тоже помоги это устроить.

Они договорились. Татьяна переставила два своих выходных и лишилась свободной субботы, на которую обещала дочери поездку в торговый центр. Пока Кира не успела об этом спросить.

В три Дина ушла. На улице начался дождь, на стекле окна выдачи висели мутные капли. Татьяна отдавала людям пакеты, принимала деньги за частные заказы, поясняла одной и той же женщине, почему пятно краски не исчезло со скатер-

ти. В половине пятого увидела на пороге Игоря Погодина.

Он постоял, пропуская последнюю клиентку, и вошёл.

— Мне сказали, вы здесь работаете.

Татьяна вытерла руки о халат.

— Что случилось?

— Костя показал. В телефоне.

Игорь положил аппарат на край прилавка. На снимке экрана было сообщение Киры его сыну, датированное пятицей.

«Пусть твоя мать ещё посмеётся. Я ей припомню».

Татьяна прочтала, затем посмотрела на него.

— Вы это полиции показали?

— Показал. До вас. Не волнуйтесь.

Его спокойствие пугало сильнее, чем вчерашняя растерянность.

— Я про это сообщение не знала.

— А что вы знали?

В цехе за их спинами запустилась сушильная машина. Воздух толкнуло горячей волной. Игорь стоял перед окном выдачи, где Татьяна весь день отделяла чистое от грязного, проверенное от недосчитанного, своё от чужого, а сейчас даже не могла опереться на прилавок: на нём лежал телефон.

— Я знаю, что дочь повредила её машину, — сказала она.

— Она призналась. Мы сообщили.

Игорь прикрыл глаза. На секунду его лицо стало совершенно пустым.

— Вот и машина, — произнёс он.

Татьяна поняла, что он пришёл, ещё не зная о царапине.

Глава 7. Кто платил

Игорь убрал телефон и спросил, сколько лет Кире.

Он знал: Костя учился с ней с первого класса. Татьяна всё равно ответила, потому что теперь любое молчание выглядело попыткой что-то утаить.

— В тринадцать лет можно уже понимать, что пишешь.

— Можно.

— Ну так объясните ей.

Он говорил негромко. Из-за этого Эльза Романовна, вышедшая с тетрадью учёта, сначала приняла его за обычного недовольного заказчика. Посмотрела на пустой прилавок, на Татьяну, хотела спросить номер квитанции, но передумала.

— Я объясню. Это сообщение вы когда увидели?

— Вчера. У сына. У него телефон пищит, а он сидит и смотрит в стену. Я взял. Знаете, что там? Кто-то спрашивает, можно ли похороны снимать. Кто-то пишет: «Брат, держись». Четырнадцать одинаковых «держись». А сверху — вот это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.